

И. Е. Лоцилов

*Новосибирский государственный педагогический университет
Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

**«Пальма в Сибири не водится...»:
к сибирским контекстам первой фразы рассказа
Всеволода Иванова «Глиняная шуба»**

Статья посвящена первой фразе рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» (1921): «Пальма в Сибири не водится». Судьба этой фразы оказалась более успешной, чем судьба рассказа. Предложены два контекста, связанных с Сибирью и знакомством молодого Иванова с омским писателем Антоном Сорокиным. Во-первых, это эксцентрическая личность садовода Петра Саввича Комиссарова, который выращивал в станице под Омском экзотические растения и мечтал вырастить пальму. Во-вторых, святочный рассказ «Финики», напечатанный в начале 1919 г. в газете «Заря» за подписью Кио-Ко. Попутно выдвинута гипотеза о принадлежности псевдонимов Кио-Ко и Питирим Кипарисов Антону Сорокину и литераторам его круга, к которому принадлежал и молодой Иванов.

Ключевые слова: литературная игра, псевдоним, святочный рассказ, сибирская литература.

А. М. Горький писал Л. М. Леонову 4 октября 1935 г.: «Один из первых рассказов Вс. Иванова начат так: “В Сибири пальмы не растут”. “Это я знаю”, – сказал Блок и не стал читать рассказ» [Горький, 1955, с. 401].

Рассказ Вс. В. Иванова «Глиняная шуба» начинается красочной бытовой сценой:

«Пальма в Сибири не водится, – есть тополь, кедр, лиственница и, конечно, человек при них. Без человека и дереву скучно.

В палисаднике тополь, шишишник между трав. На траве стол, окрашенный в синюю краску, самовар красной меди, чайник, три чашки и люди, чай пьющие.

Подбородки – пот, носы – пот, лбы – пот. Сплошь пот, и капли подмерзающие, глаза.

Чай пили – учитель второй ступени Потаний Отчерчи, тот учитель, до германской войны еще за раз ведерный турсук кумыса выпивший, соборной церкви

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения литературы Новосибирского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; loshch@yandex.ru)

дьякон Наум Полугодье и упродкомиссар Савелий Скученный» [Иванов, 1921, с. 82].

Первой фразе этого рассказа повезло значительно больше, чем самому рассказу, о котором Л. Н. Лунц в свое время писал: «Разговоры дьякона с учителем и упродкомиссаром в “Глиняной шубе” не уступают лесковским» [Лунц, 1923, с. 55]. Его прочитали и по достоинству оценили современники, но читатели последующих поколений редко вспоминают об этом замечательном сочинении. Текст «Глиняной шубы» не обнаруживается в Интернете, что может служить верным признаком – если не забытости, то не востребоваемости рассказа.

Известно немало свидетельств об успехе фразы, с которой молодой сибирский писатель вошел в круг «Серрапионовых братьев». Два мемуариста использовали зачин «Глиняной шубы» для заглавия своих воспоминаний [Слонимский, 1980; Шкловский, 1980]. Ею озаглавил обобщающую статью о поэтике инициальной фразы современный исследователь [Каргашин, 1998].

Первая редакция мемуарного очерка М. Л. Слонимского называлась «О Всеволоде Иванове» [Слонимский, 1965], более поздняя – «“В Сибири пальмы не растут...”». Всеволод Иванов» [Слонимский, 1980]:

«“В Сибири пальмы не растут...” Эта фраза, открывающая один из первых рассказов Всеволода Иванова, так запомнилась нам, начинающим писателям 1921 года, что мы тогда к месту и не к месту повторяли ее. Запомнилась она так, видимо, потому, что это была первая, начальная фраза первого рассказа, прочитанного Всеволодом при первом знакомстве с нами, и она сразу же прервала обычное на наших собраниях перешептыванье, установила тишину, напрягла внимание своей неожиданностью, оригинальностью и обещанием дальнейших открытий. Она прозвучала как уверенное вступление к чему-то, о чем мы еще не знали, а вот сейчас узнаем. Рассказ был небольшой, но показывал такую силу, что мы немножко даже ошалели» [Слонимский, 1965, с. 184; 1980, с. 509].

Т. В. Иванова писала в воспоминаниях о М. М. Зощенко:

«Илья Александрович Груздев рассказывал мне, как всех их поразил в первый свой приход к ним Всеволод, какое впечатление произвел прочитанный им рассказ, начинающийся так: “В Сибири пальма не водится...”. Рассказывал Илья Александрович и о реакции Михал Михалыча. Уже на второй встрече он сказал: “Не валяй дурака, Всеволод, а скажи прямо, какой университет ты окончил. Это ведь только Веня Каверин, утомленный своим образованием, поддается на твои факирские фокусы”» [Иванова, 1990, с. 177].

В. Б. Шкловский, друг и соавтор писателя, в книге, изданной еще в 1923 г., оформил приведенную по памяти фразу как поэтическую цитату. В таком виде она превратилась в четырехстопный ямбический стих (в авторской редакции начало «Глиняной шубы» реализует метрическую схему трехстопного дактиля):

«Приехал Горький, его <Вс. В. Иванова> прикрепил к Дому ученых – и не на паек, а на выдачи. Паек бы не дали: книг не имел человек. Горький же познакомил Иванова со мной, я его передал “Серрапионам”. Сам Всеволод человек росту большого, с бородой за скулами и за подбородком, косоглазый, как киргиз, но в пенсне. Прежде был наборщиком. “Серрапионы” приняли его очень ласково. Помню, собрались в комнате Слонимского, топим печку задней стенкой стола. Сидит Иванов на кровати и начинает читать:

“В Сибири пальмы не растут”.

Все обрадовались» [Шкловский, 1923, с. 380].

Более чем полвека спустя Шкловский написал воспоминания, озаглавив их уточненной цитатой:

«Всеволод Иванов – художник неожиданный. Он поразил нас, своих слушателей, – и Федина, и Тихонова, и Зощенко, и юного Вениамина Каверина – первым

же прочитанным рассказом, первой же его фразой. Мы запомнили ее со слуха и часто потом повторяли. Казалось, что запомнили правильно. “В Сибири пальмы не растут!” Но сейчас, перечитывая старый рассказ, замечаю, что у Всеволода эта фраза звучит еще неожиданнее, сложнее: “Пальма в Сибири не водится...” У Всеволода Сибирь деревьями – населена. Как людьми, – населена зверем, реками, облаками. В Сибири, показал нам Всеволод, не только не водится пальма, но и сосна живет по-своему. И люди вырастают по-своему, на свой лад мечтая о счастье» [Шкловский, 1980, с. 6].

Запомнившийся слушателям эффект состоял, видимо, не только в литературной отточенности фразы, но и в авторской подаче при чтении: принятый в круг Серапионов Брат-Алеут в недавнем прошлом исполнял на эстраде комические куплеты и выступал в цирке как факир («факирские фокусы» [Иванова, 1990, с. 177]). И Брат-Настоятель (И. А. Груздев), и Брат-Виночерпий (М. Л. Слонимский), и Брат-Скандалист (В. Б. Шкловский), и Брат без прозвища (М. М. Зоценко), вероятно, в полной мере почувствовали особый артистический «кураж» рассказчика.

Ниже будут предложены два сибирских – собственно, омских – контекста: жизненный и газетно-литературный. О них действительно ничего не знали петроградские слушатели. Думается, однако, что память о них присутствовала в подтексте фразы, «не пропустившей» Блока в художественный мир «Глиняной шубы», и особым образом «намагнитила» ее в устах автора. Оба так или иначе связаны с фигурой А. С. Сорокина – скандально знаменитого омского писателя, оказавшего немалое влияние на молодого Иванова.

Первый из контекстов задают эксцентрическая личность садовода Петра Саввича Комиссарова (1858–1920) и его легендарный сад. В 1895 г. уроженец Казани, дрожжевой мастер Петр Комиссаров берет у казачьего войскового правления в аренду участок степной целины у станицы Усть-Заостровской под сад, и уже 14 лет спустя «в саду плодоносило 64 сорта яблонь. В саду К.<омиссарова> росло до 80 сортов яблонь, 15 сортов вишни, 6 сортов барбариса, около 60 сортов смородины, казанский орех, слива, пенсильванская вишня, китайский боярышник и т. д. Особой гордостью К.<омиссарова> было деревце шелковицы» [Вибе, 1994, с. 116]. Садоводческий талант и причудливый нрав Комиссарова в первые десятилетия XX в. приобрели не только омский, но и общесибирский резонанс [Огановский, 1921, с. 77–78; Ноздрин, 2004, с. 101]. События революции и Гражданской войны сообщили образу сада и его создателя в памяти и восприятии современников трагический оттенок: «...сад был сильно поврежден. В сент. 1919 белогвардейцы загнали в него табун в 1,5 тыс. голов скота на пастьбу и отдых. После этого К.<омиссаров> сильно заболел. 15 янв. 1920 он умер и был похоронен в своем саду» [Вибе, 1994].

В написанных А. С. Сорокиным уже в середине 1920-х гг. «Тридцати трех скандалах Колчаку» он появляется как «сообщник» Сорокина-скандалиста – хитроватый юродивый, репетирующий свое «юродство»:

«Садовод Комиссаров, старик, сектант, после двадцатидевятилетних трудов открыл анабиоз деревьев и у него в саду, недалеко от Омска, при тридцатиградусных морозах незакрытыми росли и давали плоды грецкие орехи, лимоны.

Царское правительство субсидировало сад Комиссарова тысячами, царь прислал золотые часы. Губернатор недаром отдал приказ, называя Комиссарова завоевателем климата сибирского, новым Ермаком. Комиссаров, хитрый старичонка, притворялся глухим и обивал пороги у губернаторов, втирая им очки.

Антон Сорокин посоветовал обратиться за субсидией к Колчаку, и если будет получен отказ – то следует бросить букет пионов на пол и сказать:

– Все погибло, если культурное садоводство не ценят.

Сделали репетицию, у Комиссарова испуг выходил естественным – все погиб-ло...» [Сорокин, 2011, с. 73–74].

Согласно воспоминаниям Л. Н. Мартынова, задача *вырастить в Сибири пальмы* была сформулирована самим Комиссаровым в рамках его своеобразной «юродивой» риторики. Мартынов вспоминает об одной из встреч с Сорокиным:

«Когда я ему рассказал, что меня просят съездить в Усть-Заостровскую, он сказал:

– А! В сад Комиссарова. Очень интересно!

И Сорокин поведал мне, что около этой станицы раскинут необыкновенный сад. Его развел еще в начале века некто Комиссаров, большой чудак, крестьянин-переселенец из Центральной России, решивший победить суровый сибирский климат. Он сам, по словам Сорокина, *противоборствуя с климатом, приучил себя ходить босиком по снегу и, исходя из собственного опыта, решил приучить к азиатским морозам и нежные южные цветы, кусты и плодовые деревья. Для этого он якобы употребил самые разные средства защиты деревьев от ветров, особую подкормку почвы, отопление сада кострами во время поздних весенних или ранних осенних заморозков. Приплясывая по снегу босиком, он будто бы утверждал, что вырастит за Уралом и пальмы! Вот о чем, восторженно поблескивая своим чеховским пенсне, поведал мне любитель всего экстравагантного Антон Сорокин*» [Мартынов, 1977, с. 265].

Память о комиссаровском саде и его судьбе, видимо, присутствует в подтексте стихотворения П. Л. Драверта «Ягоды тундры (*Rubus chamaemorus* L.)», где экзотический плоды противопоставлялись сибирской *морозке*:

...Ты забудешь бананы Цейлона,
Ананасы долин Сингапура.

Что мальтийские нам апельсины,
Виноград тихоструйного Дона,
Золотые лимоны Мессины
Или вишни садов Альбиона?

Только здесь на просторах Сибири,
Наклонившейся к тундрам великим,
Зреют лучшие ягоды в мире,
Ароматом проникнуты диким... [Драверт, 1923, с. 67]

«На вкус и цвет товарищей нет» – кому нравятся бананы или ананасы под березой, кому огурцы» – так начинается посвященный А. С. Сорокину пассаж в зазубринском очерке сибирской прозы [Зазубрин, 1927, с. 44]. *Ананасы под березой* – намек на В. А. Итина и опубликованный им фрагмент романа «Конец страха» [Итин, 1925] (несколько лет спустя писатель напечатает под тем же названием фрагмент значительно большего объема [Итин, 1933]). Упомянутые В. Я. Зазубриным *бананы* прямо связаны с «Глиняной шубой» Вс. Иванова. В изысканно выстроенной композиции рассказа его начало перекликается с лапидарностью первой фразы последней, пятой главки: «Банан – фрукт вкусный. Впрочем, я банана не ел, и учитель Отчерчи тоже не ел...» [Иванов, 1921, с. 94]. «В рассказе банан ни к чему, и приплетается он не к слову, а именно как прибаутка», – отмечалось в одном из первых откликов [Шагинян, 1921, с. 5]. *Пальма* и *банан* тем не менее противопоставлены *корнеплодам*, с одним из которых ведет беседу дьякон:

«Обобран был уже огород, только на нескольких грядках торчала полусохшая ботва картофеля, желтые листья редьки. <...> Дьякон с силой ударил редьку о колени и потом откусил немного сочной и белой мякоти.

*И то, что редька на вкус сластала, еще больше обидело его,
– Обманываешь, падаль! Никуда от себя не уйдешь, себя наружу не выворотишь!.. возвратишься, возвратишься!.. <...>*

– Переломили тебя и – лежишь, молчишь! А для чего переломили – неизвестно. Из озорства!.. Так и людей нонче ломают. Ну, ты, редька, – понимаю, молчишь, а они-то ведь чего, а!..» [Иванов, 1921, с. 86–87].

Второй из контекстов связан с омской газетой «Заря», выходившей в дни колчаковского правления (1918–1919). В начале 1919 г. на страницах этого издания было напечатано несколько рассказов и очерков Вс. Иванова, подписанных псевдонимами Вс. Тараканов или Вс. Иванов-Тараканов: «Отверни лицо твое» (№ 5, 7 янв., с. 1), «Праздники» (№ 10, 17 янв., с. 2–3), «Анделушкино счастье» (№ 20, 29 янв., с. 2), «Моль» (№ 40, 23 февр., с. 4), «В деревне» (№ 45, 1 марта, с. 3–4), «Рогульки» (№ 83, 20 апр., с. 2–3). При просмотре доступных автору (к сожалению, неполных) комплектов газеты его внимание привлекли два псевдонима, недолгая «жизнь» которых приходится на рубеж 1918 и 1919 гг., на рождественско-новогодний период: Питирим Кипарисов и Кио-Ко. В выпуске, вышедшем 7 января (1919, № 5), присутствуют все три подписи: Вс. Иванов-Тараканов, Кио-Ко и Питирим Кипарисов [Кио-Ко, 1919б; Кипарисов, 1919б]. С появлением на страницах газеты Вс. Иванова(-Тараканова) материалы, подписанные Кио-Ко и Питиримом Кипарисовым, фактически сходят на нет (исключение составляет рассказ, публикуемый в Приложении [Кио-Ко, 1919в]).

Не вызывает сомнений, что за обеими подписями стоит фигура А. С. Сорокина и/или литераторов его круга, в первые ряды которого входил юный Вс. Иванов. Известно, что Сорокин охотно присваивал чужие сочинения и произведения изобразительного искусства, заказывал тексты у того же Иванова (см., например: [Сорокин, 2011, с. 49]), подписывал свои тексты чужими (лишь иногда выдуманными) фамилиями, а чужие – своей.

Подзаголовок восходящего к какой-то из версий духовного стиха о Голубиной книге рассказа «Стрефим-Птица» [Кипарисов, 1919б] – «Из легенд алтайских староверов» – находит почти точное соответствие в подзаголовке рассказа «Стратинар земля (Легенда алтайских староверов)» из сборника «Тююн-Боот» [Сорокин, 1919, с. 56–58], вышедшего с предисловием Вс. Иванова и отрецензированного в «Заре» [Е. А., 1919, с. 4]. Поэтика рассказа «Стрефим-Птица» напоминает о других опытах Сорокина по литературной обработке легенд сибирских старообрядцев: «Амиар-цветок» [Сорокин, 1919, с. 9–11], «Аksamит цветок» [Там же, с. 32–33], «Гамфур и Орнис» [Там же, с. 37–38], «Асфадат-Океан (Из книги Ариафар печать Антихристова)» [Там же, с. 69–72]. Три «арабские сказки» [Кио-Ко, 1918; 1919а; 1919б] перекликаются с восточными стилизациями из той же книги: «Пророк Хазрет» [Сорокин, 1919, с. 22–23], «Хрисамф-зверь» [Там же, с. 27–29], «Арстамбек» [Там же, с. 29–32]. Е. А. Папкина обратила внимание автора этих строк на фигуру фокусника в рассказе «Дворец Мудрости»; может быть, в ней содержится намек на «факирское» прошлое Вс. Иванова? В одном из современных изданий Сорокина напечатан датированный 1913 г. рассказ «Заревшан, или Раздаватель золота. Легенда» [Сорокин, 2012, с. 126–128], текстуально исключительно близкий к рассказу «Зарявшан – река матерей (Предание)» из «Зари» [Кипарисов, 1919а]; видимо, можно считать эти два текста двумя редакциями одного произведения.

Рискованным было бы вместе с тем приписать публикации Кио-Ко и Питирима Кипарисова безоговорочно – и единолично – Антону Сорокину. Вяч. Вс. Иванов в статье «Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный» отметил,

что «при отсутствии достоверных текстов проблема установления авторства в ряде случаев достаточно сложна» [Иванов, 2010, с. 716]. Возможно, это плоды соавторства с Ивановым или рассказы Сорокина, отредактированные Ивановым (многим сорокинским сочинениям присуща литературная и даже языковая небрежность)? Может быть, среди них есть и оригинальные ивановские рассказы (или рассказы)?

Если о происхождении и семантике псевдонима Кио-Ко трудно сказать что-то определенное, кроме разве что смутных ориентальных (японских?) или балаганно-цирковых (факирских?) ассоциаций, то носитель семинарской фамилии Кипарисов действительно существовал в Омске 1919 года, его перу принадлежит пропагандистская брошюра эсерского толка о Колчаке [Кипарисов, 1919]; правда, звали его Владимир, а не Питирим. Имя Питирим в составе псевдонима, возможно, обязано своим происхождением однофамильцу Сорокина, издавшему к 1919 г. уже несколько книг. Известно, что Сорокин не только пристально следил за упоминаниями в печати о своей персоне, но и целенаправленно искал случайных совпадений, – имен, фамилий, названий книг, – чтобы использовать их в своих литературных авантюрах. Так, в одной из автобиографий, он писал, что его пьеса была удостоена премии Вучины¹. Премия, учрежденная И. Ю. Вучиной, действительно присуждалась в 1895 г. пьесе «Золото» В. И. Немировича-Данченко, но, разумеется, не одноименной монодраме Сорокина, впервые изданной в Киеве в 1911 г. Подобного рода игры характерны для стратегии Сорокина-мистификатора. Можно предположить, что совпадение с фамилией будущего классика социологической науки осмыслялось омским писателем не только как повод для литературной игры, но и как знак внутреннего родства. Вс. Иванов вспоминал речи Сорокина в позднем мемуарном очерке:

«– И вообще фамилия писателя или художника должна вести свое начало от какого-нибудь зверя. Писатель обобщает нечто родовое, и он должен уловить тотем своего рода. Если вы возьмете фамилию, скажем, Горностаев, Белкин, Медведев или Соболев – это принесет вам пользу, так как ваши предки, несомненно, имели тотем... – Он пристально смотрел на меня и говорил: – Рыбу! Язя, например? Или стерлядь.

Я хохотал.

– Когда я буду писать в юмористических журналах, я буду подписываться: “Стерлядь колечко”» [Иванов, 1964, с. 20].

Может быть, заслуживает упоминания и «древо кипарисово» из присутствовавшего в памяти Сорокина стиха о Голубиной книге.

Святочный рассказ Кио-Ко «Финики» [Кио-Ко, 1919в], появившийся в том же выпуске «Зари», что и «Отверни лицо твое» Вс. Иванова с подписью Вс. Иванов-Тараканов, несомненно, был знаком писателю, а возможно, и был создан при его участии. *Сибирь* в рассказе не упоминается, однако публикация в омской газете и упоминание о *пимах* (и о *шубе*) сообщают ему отчетливо сибирский колорит. В отличие от «Глиняной шубы», *пальмы* здесь волшебным образом вырастают в сибирском городе – на правах рождественского чуда. В финальных тактах повествования прямо названа родина чудесного дерева – страна факиров, Индия, на всех этапах занимавшая важное место в художественном мире Всеволода Иванова.

¹ *Сорокин А. С. Жизнь Антона Сорокина. Автобиография // РГАЛИ (Москва), ф. 341 (Е. Ф. Никитина), оп. 1, ед. хр. 288 (Биографии писателей), л. 19.*

Список литературы

- Вибе П. П.* Комиссаров Павел Саввич (1858–1920) // Вибе П. П., Пугачева Н. М., Михеев А. П. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 116.
- Горький А. М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30: Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936. М.: ГИХЛ, 1955.
- Драверт П. Л.* Ягоды тундры (*Rubus chamaemorus* L.) // Сибирские огни. 1923. № 1-2. С. 67.
- Е. А. Антон* Сорокин. Тююн-Боот // Заря. 1919. № 62, 23 марта. С. 4. Рец. на кн.: Антон Сорокин. Тююн-Боот: Сб. рассказов. Омск: [Без изд.], 1919. 74 с.
- Зазубрин В. Я.* Проза «Сибирских огней» // Художественная литература в Сибири (1922–1927): Сб. ст. и докл. Новосибирск: Сибирский союз писателей, 1927. С. 11–17.
- Иванов Вс.* Глиняная шуба: Рассказ // Грядущее: Пролетарский лит.-худож. журн. 1921. № 7-8. С. 82–97.
- Иванов Вс.* Портреты моих друзей: Антон Сорокин // Огонек. 1964. № 10. С. 18–21.
- Иванов Вяч. Вс.* Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный // Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 715–732.
- Иванова Т. В.* О Зощенко // Вспоминая Михаила Зощенко: Сб. / Сост. Ю. В. Томашевский. Л.: Худож. лит., 1990. С. 181–183.
- Итин В. А.* Ананасы под березой: (Отрывки из романа «Конец страха») // Сибирь. 1925. № 2. С. 2–5.
- Итин В. А.* Ананасы под березой: (Из романа «Конец страха») // Сибирские огни. 1933. № 1-2. С. 85–95.
- Каргашин И. А.* «Пальма в Сибири не водится...»: Поэтика первой фразы // Русская речь. 1998. № 4. С. 22–28.
- Кио-Ко.* Арабские сказки: I. Шаровары Гассана // Неделя культуры, литературы и искусства: Прил. к «Зарю». 1918. № 1, 15 дек. С. 1–2.
- Кио-Ко.* Арабские сказки: II. Дворец Мудрости // Заря. 1919а. № 1, 1 янв. С. 2–3.
- Кио-Ко.* Арабские сказки: III. Чудесный мост // Заря. 1919б. № 5, 7 янв. С. 3.
- Кио-Ко.* Финики // Заря. 1919в. № 8, 14 янв. С. 2–3.
- Кипарисов В.* Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Омск: Изд. лит.-худож. отдела осведомительной канцелярии штаба 3-й Армии, 1919. 38 с.
- Кипарисов П.* Заряшан – река матерей (Предание) // Заря. 1919а. № 1, 1 янв. С. 3.
- Кипарисов П.* Стрефим-Птица (Из легенд Алтайских староверов) // Заря. 1919б. № 5, 7 янв. С. 3–4.
- Луниц Л. Вс.* Иванов. Седьмой берег // Книга и революция. 1923. № 1. С. 55–56. Рец. на кн: Вс. Иванов. Седьмой берег. М.; Пг.: Круг, 1922, 227 с.
- Мартынов Л. Н.* Сад Комиссарова // Мартынов Л. Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Проза. М.: Худож. лит., 1977. С. 264–267.
- Ноздрин Г. А.* Хозяйственное и социокультурное развитие сибирской деревни в начале XX века // Русский этнос Сибири в XX веке: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Ламина, Б. Б. Базарова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. С. 90–113.
- Огановский Н. П.* Народное хозяйство Сибири. Омск: Изд. Сиботделения Всероссийского союза потребительских обществ, 1921.
- Слонимский М. Л.* О Всеволоде Иванове // Звезда. 1965. № 1. С. 184–186.

Слонимский М. Л. «В Сибири пальмы не растут...». Всеволод Иванов // Слонимский М. Л. Избранное: В 2 т. Т. 2: Лавровы; Инженеры; Романы; Воспоминания. Л.: Худож. лит., 1980. С. 509–514.

Сорокин А. С. Тююн-Ботт: Сб. рассказов. Омск: [Без изд.], 1919. 74 с.

Сорокин А. С. Тридцать три скандала Колчаку / Сост., прим. и предисл. И. Е. Лощилова, А. Г. Раппопорта. СПб.: Красный матрос, 2011.

Сорокин А. С. Сочинения. Воспоминания об Антоне Сорокине. Письма / Сост. В. И. Хомякова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. (Сер. «Библиотека альманаха “Тобольск и вся Сибирь”»). 512 с.

Шагинян М. Литературный дневник: Серапионовы братья // Жизнь искусства. 1921. № 819, 29 нояб. С. 5.

Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие: Воспоминания, 1917–1922. Москва; Берлин: Геликон, 1923. 392 с.

Шкловский В. Б. «Пальма в Сибири не водится...» // Литературная газета. 1980. № 9 (4763), 27 февр. С. 6.

Приложение

Финики² (Святочное происшествие)

В семье Тентелеевых Святки прошли, как надлежало им пройти: были съедены три индейки, пара гусей, было напечено множество всякой сдобы и выпита четверть водки.

Хозяйка, Марья Сергеевна, сбилась с ног, простудила у печки зубы и проходила с флюсом целых три дня. Бабушка обкормила меньшого внука пирогами с черемухой, а на первый день праздника угостила всех угаром; гимназист Петя, пускающая фейерверк, обжег младшему брату глаз и щеки. А кухарка, девица Фекла, побывавшая два раза в синемафотографе, заявила, что работать она больше не хочет: пусть запрягают лошадей и везут на заимку к отцу.

Несмотря на предпраздничную уборку, в комнатах царил такой беспорядок, как будто прошел табор цыган, и Афанасий Петрович решительно не мог понять, как это у других чисто, а у них в доме сор, мусор, огрызки колбасы на полу и всякое тряпье по углам.

Денег на праздники вышло много, но удовольствия не получилось никакого: одна головная боль и несварение желудка, тяжелый сон после обеда и скучные мутные мысли, от которых некуда было деваться.

И горевшие по вечерам огарки свечей на тощей неубранной елке, и жирные кости гусей, и то, как бабушка шаркала пимами, и как ныли дети, казалось, хватало Афанасия Петровича за горло и ядовито говорило: «Ага, брат, попался, не уйдешь!»

И только проглоченная у шкафчика рюмка водки на минутку придавала окружающему какое-то подобие праздничного настроения.

И вот именно в эту самую минуту, когда Афанасий Петрович протягивал руку к графинчику, на пороге показался Пыжиков.

Кто знал, что посещение это будет чревато такими последствиями, о которых положительно можно сказать, что они «произошли», а не были придуманы досуговой фантазией Афан.<асия> Петр.<овича> или членов его семьи.

² Текст рассказа приводится по печатному источнику [Кио-Ко, 1919в, с. 2–3]. Орфография и пунктуация приведены в соответствии современной норме.

Итак, Пыжиков появился. Правда, особо праздничного в нем ничего не было: та же продранная на локтях зеленая тужурка, выпяченные колени брюк, те же замасленные манжеты, торчащие вихры белокурых волос и веснушчатое, во всю ширь улыбающееся лицо. Но однако его появления было достаточно, чтобы всех развеселить.

Пыжиков расшаркался перед бабушкой и сказал ей, что она чрезвычайно помолодела, поцеловал ручку хозяйке, сунул кому-то из ребят свистульку, кого-то угостил ячменным леденцом, облобызал Аф.<анасия> Петр.<овича> и сейчас же, не церемонясь, попросил закусочки, самоварчик и всего прочего. А когда и то и другое появилось на столе, Пыжиков хлопнул Афанасия Петровича по плечу и, лукаво подмигнув, сказал: «А ну-ка, друже, угадай, чем я тебя угощу?», и указал на карман тужурки, который очевидно для всех топорщился.

– Я разве могу угадать, какой у тебя там сюрприз? – сказал Тентелеев, чокаясь с Пыжиковым. – Ты, я знаю, мастер насчет сюрпризов.

– Я принес тебе финики, – торжественно сказал Пыжиков и вынул коробку с головой негра.

И, видя всеобщее удивление, небрежно добавил:

– Я был на днях на елке у одного важного лица. Присутствовали некоторые министры с женами, директор нашего банка и вообще многие... Ну, конечно, ужин был сногшибательный: аршинная стерлядь, ананасы... Да вы кушайте, господа, – добавил он, вскрывая ножичком коробку, – всем хватит!

Первой взяла финик бабушка, за ней Марья Сергеевна, потом Петя, потом Афанасий Петрович.

И все, съев обсахаренную ягоду, выплюнули косточку.

– Удивительный был вечер! – тоже обсасывая финик, продолжал с удовлетворением Пыжиков. – Духи у дам такие, что ну просто задыхаешься: тут тебе и розы, и фиалки, и черт знает какой букет...

– Туалеты, Марья Сергеевна, Вы бы взглянули: мечта, сон, великолепиие – одним словом, высший шик. Убранство комнат – сплошные бухарские ковры, и бархат, шелк, сафьян.

– Папа! Папа! – вдруг удивленно-радостно закричал Петя. – Смотри-ка, моя косточка проросла.

Гимназист держал в руке косточку, от которой вытягивался длинный зеленый росток.

– Моя тоже! – взвизгнул Гриша.

– И моя!

Все наперебой бросились поднимать косточки, но пока ребята ползали под столом, Афанасий Петрович вскочил как ужаленный, держа в руках росток четверти в три.

Все дальнейшее совершалось положительно в каком-то тумане и чаду, в непрерывной беготне, восклицаниях и грозных всхлипах самого Афанасия Петровича, которому Пыжиков помогал успокаивать женщин, положительно потерявших голову.

На глазах у всех финики росли неудержимо. Точно в косточки вселилась сила, которая с неистовством выпирала наружу: из тоненьких – стволы превращались в толстые, похожие на гладкие глянцевиые тела змей, а листья выкидывались безудержно и тянулись к потолку, жесткие листья шелестели и шумели как жестяные, а созревшие финики падали на пол – крупным градом.

Все разом бросились подбирать. Старуха, кинув внучонка на пол, ползала от дерева к дереву и, кряхтя, собирала финики в подол, просыпала и опять собирала, отталкивая всех, кто попадался ей на дороге. Невероятно было предполагать в бабушке такую силу: Пыжиков, попробовавший было оттащить ее в соседнюю комнату, получил такого тумака, что отлетел к шкафчику, чуть не разбив стекла.

Марья Сергеевна и Фекла притащили бельевую корзину и, насыпав ее до верха, не могли поднять с места. Ошалевшие от радости гимназисты глотали финики с такой поспешностью, что каждую минуту подвергали себя смертельной опасности подавиться, и не раз приходилось и отцу, и Пыжикову давать им хорошего «туза» в спину.

А финики все падали, зрелые, сочные, необычайно крупные.

– Сюда, сюда! Торопитесь!

– Фекла, подавай! – кричал возбужденно Афанасий Петрович и лихорадочно выдвигал ящики письменного стола, выбрасывал на пол бумагу, табак, пузырьки от лекарства. – Набирайте поплотней... Мамаша, поднимайте диван... Диван, черт возьми! Петр, тащи ведра, да лопатку захвати там в углу...

Финики сыпались, пальмы росли, между могучими стволами уже становилось трудно пролезть, уже вся лишняя мебель была вытащена в последнюю комнату.

Уже со всех лился пот; обессиленная старуха присела на кучу фиников, гимназисты тяжело отдувались, Марья Сергеевна дышала, как рыба.

– Отдых! Можете отдохнуть! – сказал Афанасий Петрович.

Лицо его выражало почти вдохновение, движения были полны неизбывной энергии.

Кто мог в нем угадать Тентелеева, который каких-нибудь два часа тому назад, раскисший и сонный, тянул у буфета рюмочку.

– Пыжиков! Коля! Дай тебя еще раз обнять! И присядем, присядем, дружище!

Они присели у могучего ствола, и над головой их шелестели пальмовый ветви.

– Это чудо, конечно, чудо! – сказал Тентелеев, ловко и громко чихнув, потому что на переносе ему шлепнулся финик. – Но я верю в чудеса, т. е. верил когда-то, и вижу, что был прав.

– Ты понимаешь, Коля, что это начало новой жизни! Коля, мы – Крезы... По теперешней дороговизне мы заработаем невероятные деньги.

– Мне шубу нужно, старая совсем износилась! А мамаше обязательно пимы, ее никуда не годятся, – сказала Марья Сергеевна.

– Все будет, успокойтесь, – кивнул Афанасий Иванович в сторону жены и тещи.

– И шуба, и пимы. Сам я уеду путешествовать... Куда-нибудь в Индию, на Антильские острова... Я всю жизнь мечтал о путешествиях... Ну что такое чиновник почтамта? Гнусная должность. И вообще служба. И вообще все наше существование. Взгляни на Марью Сергеевну: ведь она кончала гимназию, а на кого похожа? Она забыла, что значит книга! А дети? Наши дети, какие же это будущие граждане? Какой у них пример? Как мы их воспитываем?... Вот ты рассказываешь: великолепный вечер, духи, розы там, финики, и тонкость обращения... А у нас... у нас что, Коля?

Афанасий Петрович вдруг замолчал и прислушался. Прислушались все; даже бабушка сдвинула теплый платок и выставила морщинистое ухо.

Финики перестали падать, но слышалось странное потрескивание, как будто ломались сухие щепки.

– Потолок! – сказал Петя, поднимая свой курносый носишко.

Он был прав... Все выше пальмы росли: их зеленые жесткие короны упрямо упирались в потолок и стволы, удлинняясь, действовали как рычаги. Первым опомнился Тентелеев.

– Петр, полезай! – скомандовал он. – Скинь ботинки и полезай!

Петр не заставил себя долго просить: поддерживаемый Пыжиковым и отцом, по-обезьяньи вскарабкался на пальму; долго шумел в листьях и наконец среди всеобщего молчания заявил:

– Весь карниз, папа, треснул... И посередине щель...

– Пилу, пилу сюда... Топор, сечку, косарь! – завопил Афанасий Петрович, натываясь на стволы, скользя по финикам и силой выталкивая всех домашних за дверь.

Треск усиливался сверху, по бокам, зловещий и тревожный. Казалось, старый дом кряхтит и расплзается по швам, как ветхий корабль в бурю...

– Рубите, пилите, косите! – уже не кричал, а ревел Афанасий Петрович, заноса топор над самым могучим стволом, в то время как Пыжиков, похожий на древнего скифа, замахнулся косарем...

Но в ту же минуту раздался треск, точно от разорвавшейся хлопушки, вершины пальм подняли потолок как картонную крышку, ветер задул свечи, и наверху раскинулось, как бархатный покров, затканый серебряным диковинным узором, ярко-синее звездное небо. И в этом небе тихо веяли, подобно опахам, густые зеленые короны и шелестел теплый ночной ветерок, приносящий неслуханно сладкие ароматы.

Опустив топор, Афанасий Петрович глядел и не мог наглядеться, точно вся его жизнь была вот эта одна минута.

А пальмы все росли, все уходили ввысь, в глубину бездонного синего неба, и стволы делались все тоньше, все прозрачнее, пока вдруг не истаяли в нежном голубоватом тумане...

Свеча трещала, дымила и оплывала, колебля на стене уродливые тени двух склонившихся друг к другу взлохмаченных голов. Мороз бил о стены костлявыми пальцами. С протяжным упорством ныл ребенок в темной спальне.

– Врешь, все врешь! – говорил Афанасий Петрович заплетающимся языком, глядя куда-то мимо Пыжикова с упорным вниманием. – Нигде ты не был, и ничего н... не было. Все знают, что врешь.

– Ну и вру! – согласился Пыжиков, тоже глядя мимо Тентелеева и тяжело икая.

– А все же у меня полет фантазии, а у тебя в голове – шиш... Ты обыватель... Понял? И никаких Антильских островов тебе не видать вовек, и... никакой Индии...

На столе стояла пустая четверть, коробка из-под фиников и валялись сухие, сморщенные косточки.

Афанасий Петрович поковырял их пальцем и, тяжело вздохнув, опрокинул в рот последнюю рюмку.

I. E. Loshchilov

«The palm tree is not common in Siberia...»:

On Some Siberian contexts of the first sentence of Vsevolod Ivanov's story «Clay coat»

The paper is concerned with the first sentence of Vsevolod Ivanov's story «Clay coat» (1921): «The palm tree is not common in Siberia...» The fate of this phrase turned out to be more successful than that of the story. The paper suggests two contexts associated with Siberia and young Ivanov's contacts with the Omsk writer Anton Semenovich Sorokin. Firstly, it is an eccentric personality of the gardener Peter Savvich Komissarov who grew exotic plants and dreamed of growing a palm in a village near Omsk. Secondly, the Christmas story «Dates» published early in 1919 in the Omsk newspaper «Zar'a» («Dawn») with the signaturum «Kio-Ko». A hypothesis has been incidentally proposed that the pen names «Kio-Ko» and «Pitirim Cyparisov» belong to Anton Sorokin and his circle of writers, to which young Vsevolod Ivanov belonged as well.

Keywords: literary game, pseudonym, Christmas story, Siberian literature.